

Холодец и борщ*

Р. Г. Назиров

Рассказ «Холодец и борщ» по образцу почерка датируется началом 70-х, но параллелей с романом Назирова о Пушкине не прослеживается. Он был обнаружен в архиве Р. Г. Назирова в двух редакциях: фрагментарной и законченной. Фрагментарная редакция заканчивается во время диалога Мицкевича и пани Марии. В них есть несколько незначительных различий и невозможно точно определить, какая из них написана раньше, а какая позже. Тем не менее, более поздней кажется полная редакция. В ней присутствует большая часть переработанных моментов из фрагментарной редакции (пусть они и разбросаны по другим частям рассказа) и по виду почерка похоже что полную редакцию записывали на «чистовик» — почерк там аккуратнее и есть только несколько небольших правок. Здесь мы публикуем полную редакцию, а все различия с фрагментарной приводим в сносках.

Андрей Максимов

I

Пан Адам жил на Большой Мещанской, в доме каретника Йохи-ма. Пани Мария жила возле Михайловской площади; квартира её была на третьем этаже.

Она ещё сохраняла свою величавую красоту и иногда сама садилась за фортепиано, уступая просьбам гостей. Салон её был полон музыки, смеха и стихов на трёх языках. Пан Адам много острил; Пушкин рассказывал рискованные анекдоты¹, а для девиц Шимановских рисовал изумительные карикатуры.

Однажды пан Адам похвастался, что его повар умеет прекрасно готовить холодец по-литовски. Казалось бы, чего проще: обыкновенный свекольник с огурцами, яйцами и сметаной. Но пани Мария чуть не подскочила в кресле²:

— Не может быть! — сказала она. — В Петербурге едва найдутся три повара, которые могут сделать настоящий холодец!

---

* АРГН, оп. 3, д. 107.

¹Во фрагментарной редакции: «рискованные французские анекдоты».

²Во фрагментарной редакции после описания холодца есть ещё одно поясняющее предложение «Но во всём Петербурге не сыскать и трёх поваров, что умеют готовить холодец по-литовски». В следующем пани Мария говорит, что такой холодец может приготовить только повар князя Любомирского. В полной эти предложения объединены в одно, а Любомирский не упомянут.

— Клянусь бородой Магомета, мой Никифор умеет, — ответил пан Адам торжественно. — И не только холодец, но любое литовское³ блюдо!

— Одолжите нам его!

И на другой же день к Шимановским явился меланхоличный толстяк с нежно-сиреневым носом. Он вручил хозяйке записку:

«Для устройства церемониала, обычного в подобных обстоятельствах, Нами высылается в качестве чрезвычайного посла и полномочного министра Его Сиятельство Никифор, экс-кухарь Нашего двора, действительный тайный пьянчуга, grand valet de chambre et de l'antichambre, Кавалер Ордена Веника и кастрюли, награждённый медалью за умерение тараканов и другою за выведение крыс, титулярный муж и отец нескольких детей, и прочая, и прочая.

Адам Мицкевич».

Пани Мария и девочки очень смеялись.

Она баловала его как родного сына, хотя в декабре 1828 ему исполнилось тридцать лет. Однажды она переодела пана Адама в женское платье, и в таком виде он с семьёй Шимановских отправился на вечер к пани Залесской, с которой у него был роман. В Петербурге только поляки и умели по-настоящему веселиться.

Светило его ранней поэзии Марыля Верещак некогда отвергла любовь гения ради богатства заурядного помещика. В Одессе, Москве и Петербурге судьба вознаградила пана Адама за бессердечие Марыли⁴.

Всё, написанное им в России, включая и трагического «Конрада Валленрода», отличалось мажорной тональностью. Он был в расцвете сил, верил в себя, верил в жизнь. Русская критика отнеслась к нему гораздо теплее, чем родимая польская, в которой были сильны защитники классицизма, нападавшие на Мицкевича. Пушкин⁵ рассказывал на всех вечерах и раутах Петербурга о потрясающих импровизациях пана Адама у княгини Зинаиды Волконской в Москве.

Зимний сезон 1828–1829 года признавали очень веселым. Было много балов, танцевали до упаду. Поговаривали, что дунайская кампания не удалась. В феврале государь сместил Витгенштейна и вверил командование на Дунае Дибичу. А в конце февраля до Петербурга дошло страшное известие о гибели Грибоедова.

— Avez-vous lu des journaux? — спросила пани Мария вошедшего к ней Мицкевича. — Грибоедов погиб вместе со всем посольством! Les, imans ont declare la guerre sacree. Sa tete n'etait pas trouvee.

³В фрагментарной версии «польское блюдо».

⁴В фрагментарной версии после этой фразы ещё было «он имел успех у дам и в Одессе, и в Москве и в Петербурге».

⁵Во фрагментарной версии ещё было «Пушкин неоднократно заявлял о превосходстве Мицкевича над собой».

— C'est horrible, mais bien explicable, Madame, — ответил пан Адам.
— Полно вам притворяться кровожадным, это вам не идёт.
— Кровожадным? О нет! Я сожалею о смерти поэта⁶, но вы сами знаете, чьим посланцем он был. . . Они отрезали от Персии un bon morceau de terre! Так что удивляться нечему.

— Кстати, о Самом: ходят слухи, что он, наконец, поедет в Варшаву.
— Это правда. — ответил пан Адам, — и уже скоро.
— Это подаёт вам надежду, не так ли?
— Может быть. Я уже боюсь верить в это.
— А из Третьего отделения вам ответили?
— Пока ни слова.

Мицкевич давно добивался разрешения на выезд, но Третье отделение медлило с решением его судьбы.

— Пушкин хлопотал за вас?
— Да, он подал фон Фоку записку с просьбой разрешить мне возвращение на родину. Это было. . .

Он наморщил лоб.

— Это было более года назад. Или после завтрака у Булгарина, где мы сошлись с Пушкиным, или перед этим завтраком. . .

— А что за человек этот фон Фок?

— Le plus jovial des chiens de l'empereur. Вы же знаете, что Бенкендорф — великий сибарит, завсегдашней балетов и покровитель дебютанток. Всеми делами в Третьем отделении вершит фон Фок.

— Фон Фок, Бенкендорф, Клейнмихель, Пумперникель, Шнюспельд-польд. . .

Она глядела в потолок и загибала пальцы, словно перечисляя.

— Schleifenträger und Hundes. . . deck! — закончила она.

Пан Адам улыбнулся.

— Que vaulez-vous, Madame? La dynastie aime les Alemmands.

Видная и статная, с округлёнными и сильными плечами пианистки, пани Мария напоминала бы Юнону или Минерву, если бы не её привычка носить тюрбан. Она носила его не в подражание мадам де Сталь, а просто потому, что он был ей к лицу.

Каминные часы прозвонили, и она поднялась.

— Мне пора собираться во дворец. Полистайте парижские газеты.

Оставшись один, он почитал немного, со скукой отбросил газеты и подошёл к окну. Ненавистный город показался ему ещё сквернее в этом жалком подобии весны, в мутных лужах и грязных клочьях последнего снега. Вот столица империи, простёршейся от Пруссии до Китая?! Почему Господь судил так, а не иначе?

Он снова с печальной симпатией вспомнил Москву, салон принцессы Зинаиды, милое личико Каролины Яниш. . .

---

⁶В фрагментарной версии ещё была фраза «Говорят, его голову так и не нашли».

Внизу послышался цокот копыт по булыжнику. К дому подъехала придворная карета. По лестнице застучали быстрые шаги, в передней показалась дворцовая ливрея, камер-лакей заглянул в гостиную.

— Госпожа Шимановская сейчас выйдет, — по-русски сказал ему Мицкевич. — Подождите немного.

Пани Мария была пианисткой его императорского величества и ещё обучала музыке великую княжну Марию Николаевну, любимую дочь государя.

Пан Адам набросил свой плащ, взял шляпу из рук гайдука и, дождавшись пани Марию, предложил ей свою руку. Спускаясь с нею по лестнице, он спросил:

— Каковы успехи вашей соименницы?

— Для дочери такого отца, право, недурные.

Они тихонько засмеялись.

Подсаживая её в карету, пан Адам внезапно продекламировал по-русски:

И вы, красотки молодые,
Которых позднею порой
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой. . .

— Это я то «молодая красотка»? Благодарю! Чьи это стихи?

— Пушкина.

— Очень мило. Кстати, куда он пропал?

— Уехал в Москву.

— Опять? Но он только два месяца назад вернулся оттуда! Что он там забыл?

— Я полагаю, своё сердце.

Мицкевич поцеловал руку Шимановской и дверца захлопнулась.

II

Весной 1829 года Николай Павлович выехал в Варшаву, чтобы короноваться, наконец, своей второй короной — польской. В Литве его встретил ледяной приём. Тем не менее, прочитав строгое отеческое внушение виленским студентам, государь приказал освободить их товарищей, членов тайных кружков, сосланных в 1824 году в Россию. Это прощение касалось и пана Адама.

Он помчался с этой вестью к Шимановским, и пани Мария тотчас велела подать шампанского.

— Теперь домой? — спросила она, сияя от радости.

— Увы, нет! Разрешение дано на выезд в Германию и Италию.

В этот день Петербург казался ему не таким отвратительным. Накрапывал мелкий дождик, потом перестал; тучи поредели и расползлись,

между ними показались тихие голубые улыбки, и блеснуло неуверенное солнце Севера.

Пан Адам напевал, торопясь к себе на Большую Мещанскую.

В Мещанских улицах обитали мелкие чиновники, купцы и ремесленники-немцы, здесь было много мелочных и табачных лавок, а также «весёлых домов». Из окон доносились запахи краски, клея и дыма, а ближе к вечеру — горячих сосисок с капустой, аромат кофе и свежих булок. Соседки перекликались друг с другом из окон:

— Аделина Ивановна, kommen Sie zu mir!

— Попозже, голубушка, ich habe keine Minute!

Четырёхэтажный дом каретника Иохима стоял напротив Столярного переулочка и был весь облеплен золочёными вывесками: «Hebamme», «Marchande des modes», «Confiserie», два портных, сапожник, чулочный фабрикант, молочная лавка, табачная лавка, магазин сбережения зимнего платья. . . Пана Адама забавляло соседство модного магазина с повитухой («Hebamme»): он хорошо знал, что собою представляют петербургские «marchandes des modes».

Подходя к дому, он ещё раз взглянул на небо и второпях чуть не столкнулся с низеньким кривоногим юношей, одетым бедно и кокетливо. Пан Адам успел заметить, что длинный тонкий нос и печаль унылой заботы на челе делали юношу неуловимо забавным. Слегка задев его краем плаща, Мицкевич живо приподнял цилиндр и извинился.

Уже произнося эту автоматическую формулу, он вдруг осознал, что говорит по-польски. Тотчас остановившись, он хотел повторить извинение по-русски, но тут случилось неожиданное.

Маленькие карие глаза незнакомца блеснули дикой иронией, и он громко, чуть протяжно ответил:

— Нэма шкоды, мосьпане, хай соби пан не турбуэцца!

Украинец!

Пан Адам, онемев от неожиданности, раскланялся с насмешливым юнцом и вошёл в подъезд дома.

Поднимаясь по ступенькам лестницы, он всё ещё видел своим мысленным взором это странное лицо.

— Ещё по-детски гладкое, с пухлыми красными губами, с птичьим носом и огоньком язвительного ума, внезапно прогнавшим унылость. Откуда он взялся? Раньше его тут не было видно. Не иначе, как недавний жилец.

Пан Адам уловил нотку вызова в голосе юноши. Ну, да Бог с ним! Предстояла масса дел, нужно было готовиться к отъезду.

III

После отъезда Данилевского Гоголь оказался в стеснённом положении и заскучал. Сиро и неуютно сделалось ему в столице.

Для очистки совести он обивал пороги департаментов и делал вид, будто ищет места, но он знал, что его ждёт иная карьера. Его поэма избавит его от необходимости служить и пересчитывать гроши, даст ему громкое имя и распахнёт перед ним двери литературных салонов. Он узнает всех знаменитостей — Жуковского, Булгарина, Пушкина! Они представят его в высшем свете, а там, быть может, дойдёт и до...

Но тут он досадливо встряхивал головой.

Петербург в те годы стремительно разрастался и перестраивался. Как раз в 1829 году закончилось долгое строительство Главного Штаба; бронзовая колесница славы украсила здания, а фасад был освещён газом, как в Лондоне или Париже. В те же годы барон Шиллинг соорудил свой электромагнитный телеграф, и по приказу государя первые линии соединили Зимний дворец с министерствами. Столица была полна блеску и соблазнов, но надёжной защитой от них был «слишком неплотный карман» Гоголя. Продовольствие стоило так дорого, что у него не оставалось на театр.

Его неотступно мучила мысль: «Как бы добыть этих проклятых подлых денег?». Он с ужасом и негодованием сообщал маменьке здешние цены: десяток луковиц репы стоит 30 копеек!

Впрочем, в письмах к маменьке он намеренно сгущал краски, жаловался на безденежье и намекал на скорую перемену в своих делах.

Он подготавливал маменьку. Дело в том, что он уже договорился с издателем Адольфом Плющаром о тиснении своей поэмы — разумеется, на кошт автора.

В ожидании ответа маменьки он бродил по Петербургу и тёмным взором косился на сверкающие витрины. Наступила весна, усиливая в нём скуку и нетерпение.

Однажды недалеко от своего дома он увидел в открытом окошке белокурую девушку, поливающую свой гераниум. Полудетская полнота щёк и нежная ручка с фарфоровыми ноготками... Его как обухом по голове тронуло — Луиза!

Совершенная Луиза из его собственной поэмы.

Заметив его восхищение, беляночка слегка высунулась из окна и озарила его небесной голубизной своих неземных, таинственных очей. Улица оказалась пустынной, только проезжала ломовая телега, да вдалеке усатый булочник кликал разносчика, кивая ему толстым своим пальцем.

И тут раздался её хрустальный голосок.

— Kommen sie zu mir, yunker!

Негнушимися ногами Гоголь сделал три шага к окошку и увидел тёплую тень в приоткрывшемся капотике. Он судорожно обшарил свою память и добыл нужную фразу:

— Womit kann ich dienen, Mademoiselle?

Она вперила в него наивный и блестящий взгляд и несколько секунд

рассматривала с развлечённой миной, затем усмехнулась дивными губами и что-то прошептала как бы про себя.

Гоголь оторопел, сердце в нём замерло. И тут красавица заговорила по-русски:

— Ну, что ви рот разинуль, словно арку Главного Штаба?

— Пардон, мадмуазель, не понимаю вас, — пробормотал он.

Она улыбнулась и стала ещё прелестнее.

— Полноте играть в мольшанку, миленький кавалер! Ступайте ко мне в дом! Имеете ль денег?

Гоголь упал с небес на землю.

— Вы ошиблись, мадмуазель, я иду по своей надобности.

— Ви чиновник али не слушите?

— Я... поэт.

— Поэ-э-эт? — голубые глазки недоумённо округлились.

Она ещё раз смерила его взглядом. Затем окошко захлопнулось, и небесное видение исчезло.

«Имеете ль денег?» Гоголь шёл, дрожа от нервного смеха! Вот и ещё одно столкновение мечты с существенностью!

IV

Почки ещё не распустились, на деревьях не было зелени, но 1 мая состоялись традиционные гуляния в Летнем саду, на Адмиралтейском бульваре и в Екатерингофе.

Гоголь отправился посмотреть знаменитое Екатерингофское гулянье, где обязательно присутствовал высший свет и даже иные из министров. Под надзором полиции в парадных перчатках бесконечные вереницы карет с гербами, с усатыми гайдуками на запятках медленно продвигались вокруг Екатерингофа. Ехали столь плотно, что лошади последующей кареты фыркали в лицо гайдукам, стоящим на запятках предшествующей. Иногда дефилада совсем останавливалась и дожидалась, пока впереди рассосётся заминка.

Играла музыка, грело, скупое солнце, пыль стояла тучей. Простая публика густыми толпами окаймляла проезд, глядя на кареты, а из окон карет ответно выглядывали старые и молодые, мужские и женские лица с одинаковым выражением рассеянного достоинства.

Дух весёлой литовской полонянки давно отлетел от этого места, носившего её имя. На лицах, колыхавшихся в окнах карет, не было видно ни одной улыбки.

Давка наскучила Гоголю. Он выбрался из толпы, сплюнул чёрную слюну и поспешил к себе на Большую Мещанскую.

Яким в тот день тоже оказался не в духе. Им обоим надоели эти проклятые расейские щи да каша.

— Панычу, мени треба буракив! — в сотый раз заявил Яким.

— Видченись, Якиме, де ж я тобі визьму буракив?

— Хиба ж у цілом Петербурзи буракив нема?

— Шукай! — ответил Гоголь.

Но Яким вздыхал, переминался и не уходил.

— А гроши? — робко спросил он.

— Геть видциля, бо зараз я тобі всю рожу растворожу! — в бешенстве крикнул Гоголь.

И на этом, как обычно, разговор кончился. Хотя Гоголь никогда не бил своего человека и жили они душа в душу, всё же Яким знал: когда паныч переходит на русскую мову, с ним лучше не спорить.

На другой день Гоголь написал матери длинное письмо и попросил её прислать 300 рублей. Гоголь сам отправился с письмом на почту.

Выходя из дома, он едва не опрокинулся, когда на него налетел красивый брюнет в циммермановской высокой шляпе и в плаще, ещё осыпанным каплями недавно пролетевшего дождика. Край плаща хлестнул Гоголя по коленям. Брюнет, чуть приостановясь, ловко подкинул над головой свой циммерман и торопливо проговорил:

— Przerąjzam bardzo Pana!

«Вот как! — молнией сверкнуло в голове Гоголя. — Они уже в столице Российской империи заговаривают с незнакомцами по-своему, словно все должны знать их чёртов язык!»

Он увидел, что поляк понял свою ошибку и, слегка покраснев, приоткрыл рот, — но Гоголь его опередил:

— Нэма шкоды, мосьпане, хай соби пан не турбуэться!

Уловив издёвку, красивый поляк нахмурил свои бархатные брови, с надменным изяществом обозначил лёгкий поклон и быстро вошёл в дом Иохима. Положительно, дом, в котором жил Гоголь, представился ему Ноевым Ковчегом: кого здесь только нет, от привилегированной повивальной бабки до польского шляхтича!

Гоголь шёл и усмехался. Настроение его стало чуть лучше. В разрывах рыжих облаков показалось заплаканное бледное небо. Улицы, окропленные дождем, подсыхали на глазах, но там и сям на булыжной мостовой ещё темнели лужицы или мокрые пятна.

Одно такое тёмное пятно имело форму раздавленной крысы: голова, туловище, лапки врозь, длинный хвост.

Гоголь задумчиво обошёл «крысу».

V

15 мая 1829 года друзья Мицкевича, поляки и русские, провожали его за море. Козлов, переводчик «крымских сонетов», сказал полякам:

— Мы его получили от вас сильным, а возвращаем могучим!

Мицкевич жалел что не смог проститься с Пушкиным: того всё ещё не было в Петербурге.

Поцелуи, объятия, даже слёзы. . . Пироскаф отплыл, и над пристанью зареяли платки:

— Adieu! В добрый час! Bon voyage! Храни вас Бог!

Мицкевич стоял на палубе. Колёса пироскафа мерно вспахивали балтийскую волну. Берег таял на востоке.

— Zegnaј, przeklete miasto! — прошептал он.

Он посмотрел на серо-голубое небо, по которому пироскаф волок длинный шлейф своего чёрного дыма.

Здравствуй, море! Здравствуй, воздух свободы!

Он вынул из кармана пачку ассигнаций с портретами русских царей и, широко размахнувшись, швырнул их за борт. На миг они порхнули стайкой красных и синих птах, завиляли, опустились и исчезли. Пану Адаму не нужны были эти деньги.

Через неделю Гоголь получил из дому долгожданный пакет с пятью печатями, тотчас внёс Плющару необходимую сумму за бумагу и тиснение, и в июне поэма «Ганс Кюхельгартен» вышла из печати.

В тот день они с Якимом ели борщ. Но эта радость оказалось последней. . .

Спустя семь лет Гоголь и Мицкевич познакомились в Париже.